

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

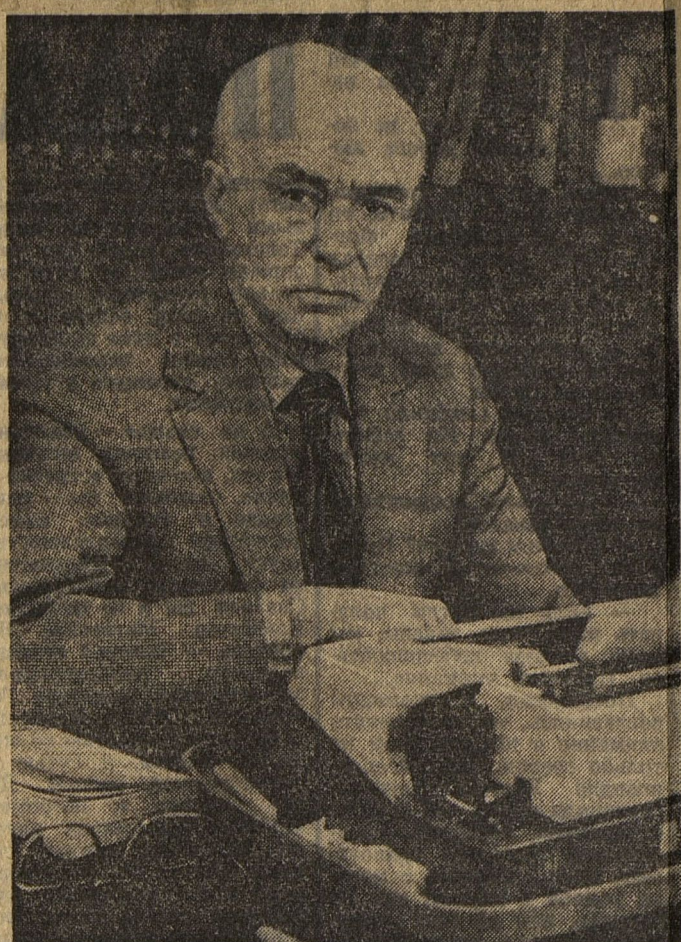
Я ЧЕЛОВЕК независимый, но если бы это томителное чувство было свойственно мне, я завидовал бы моему другу Роману Кармену. Судьба оказалась на редкость щедрой к нему, дав соприкоснуться едва ли не со всеми значительными, ключевыми событиями, которыми так богат наш бурный, тревожный, грозный век. Посудите сами: он захватил пуск Волховстроя, предтечи великих строек первых пятилеток; участвовал в Каракумском пробеге, который возглавлял легендарный Иван Лихачев, отец советского автомобилестроения; воевал в Испании, где фашизм впервые опробовал свои когти; зимовал в бухте Тихой, на острове Рудольфа, после долгих поисков Леваневского, потерпевшего аварию в районе полюса; ходил с молодой революционной китайской армией; прошел всю Великую Отечественную войну от тяжких оборонительных боев первых ее месяцев до штурма Берлина и капитуляции гитлеровского вермахта; он запечатлел на пленке героический труд нефтяников Каспия, победу революции на Кубе, сражающийся с Вьетнамом, борющийся за свою свободу и независимость страны Латинской Америки.

Как хорошо говорит он об этом сам в своей недавней книге «Но пасаран!»: «Мысленно вглядываюсь в образы людей, запечатленных на пленку, — их множество! Они через годы смотрят на меня, словно говорят: «Помнишь?»... Помню. Испанский крестьянин в окопе под Уэской, колхозница Ана Мазонова, богатырь-шахтер Никита Изотов, китайский партизан, раненый, с искаженным от боли лицом, нефтяник Михаил Каверочкин, популярный летчик Илья Мазурок, Хемингуэй в блиндаже на Хараме, умирающий от голода на обледелом Невском безымянный ленинградец, Че Гевара, смотрящий на меня усталым, мечтательным взглядом... Сотни, тысячи лиц, глаз, человеческих судеб, с которыми сплелась и моя судьба. Помню их. И тех, кто ненадолго мелькнул, запечатленный на пленку, и тех, кто стал частичкой жизни кинооператора, кого повстречал и с кем породнился в море, в поле, в бою, во льдах, на родной земле и на далеких меридианах»...

Право, он столько видел, будто прожил Мафусандов век, а между тем, по нынешнему научному раскладу, Кармен находится все еще лишь в пожилом возрасте, язык не повернется сказать, в предверии старости, настолько не идет это слово к сухопарому, легкому, энергичному и мобильному человеку.

Роман Кармен очень рано начал. Сын талантливого и популярного в свое время писателя, забитого белогвардейцами в одесской тюрьме, он остался с матерью без средств к существованию и почти мальчиком вынужден был пойти работать. Но было и еще одно не менее важное, что определило раннюю профессионализацию Кармена, — властный зов неведомого, сурового и бесконечного притягательного мира. И в этот мир с камерой-зеркалкой в худых руках бесстрашно шагнул шестнадцатилетний фоторепортер «Огонька».

До чего же я неправ, приписав жизненную удачу Роману Кармену щедрости судьбы. Кармен сознательно и целеустремленно прокладывал свой путь. Влюбленный в революцию, в труд и подвиг, в Человека с большой буквы, он с молодости рвался туда, где жарко и опасно, где творятся самые большие дела, где борются за свободу и будущее, где решаются важнейшие проблемы века и где человек предстает во весь рост — герой, труженик, покоритель стихий, защитник слабых и угнетенных, неутомимый борец за высшие социальные, моральные и нравственные ценности, устроитель завтрашнего дня. Потому и кидало Кармена по всему миру: от Волхова в Каракумы, от строек пятилетки в борющуюся Испанию, от архипелагов Франца Иосифа в Китай. В Отечественную войну Роман Кармен оказывался всякий раз на полях решающих сражений, будь то под Москвой незабываемым декабрем 1941 года или в Сталинграде 1943-го. Он снимал в блокадном Ленинграде и видел, как взвилось красное знамя над рейхстагом. Не в подражание Кармену быть свидетелем ключевых моментов современной истории, глядеть в глаза величайшим людям эпохи: государственным деятелям, военачальникам, героям; сопровождать Фидело Кастро в поездке по Кубе, доверительно беседовать с президентом Альянде, дружить с Че Геварой, маршалом Рокоссовским, Долорес Ибаррури. Человек бесстрашно шел в огонь, он мог сгореть и не вернуться, но — и это действительно принадлежало державе удаче — возвращался, отплывая гарь и кровь, и, будто спавшее дитя, вносил оттуда потрясающие кадры своих кинорепортажей и больших документальных

люди искусства

Всегда в атаке

Юрий НАГИБИН

фильмов, строки и главы книг, новую дружбу и уважение тех, кто тоже не боится огня.

Казалось бы, лишне говорить о храбрости Кармена, самого отчаянного в лихом содружестве наших кинохроникеров, храбрости, которая удивляла выдавших виды испанских бойцов-республиканцев и советских воздушных асов, но мне хочется сказать о любопытной окраске этой храбрости. Бывает смелость от притупленного инстинкта самосохранения. Человек с дремлющим воображением просто предстает себе не может ни истинных размеров опасности, ни степеней риска и, главное, собственной гибели. Во время войны я не раз сталкивался с людьми, которые в странном самообольщении всерьез считали, что их не возьмет ни пуля, ни осколок, ни штык. Кармена никак не отнесешь к таким наивным — самоуверенным молодым. Сам человек с очень живым и сильным воображением, вовсе лишенный спешительных суеверий. В своей книге «Но пасаран!» он без малейшего кокетства рассказывает, как ему было страшно в начальную пору войны. Но читая об этом с улыбкой, ибо страха Кармена сродни бестрашию, чего он сам вовсе не замечает. Если Кармену нужен тот или иной кадр, он, не раздумывая, полезет за ним в любое пекло, в жерло действующего вулкана, в паровозную топку, оседлает космическую ракету, кинется под колеса поезда. Но зачем предположения — семь боевых вылетов на бомбардировщике совершил Кармен в качестве стрелка-радиста ради одного единственного кадра, которого никто от него не требовал, кроме его профессиональной совести: как падают из ложа самолета фугасные бомбы...

Источник непоказной храбрости Кармена — в его высочайшем профессионализме, беззаветной преданности своему орудию и оружию — кинокамере. Кармен поистине рыцарь документальной кинематографии, возведенной им в ранг высокого искусства. Да, такие люди, как Роман Кармен, и немногие равные ему по таланту и мастерству, создали новый, самый современный вид искусства — документально-хроникальный кинематограф.

Роман Кармен начинал как фоторепортер и в дальнейшем, скажем, в дни Отечественной войны, случалось, вспоминал о своей первой профессии, но истинное призвание его — кинокамера. Тем не менее Кармен с благодарностью вспоминает о годах фоторепортерской работы, считая, что они много дали ему и в жизненном, и в рабочем плане. Довольно скоро он перерос амплуа кинохроникера и, не бросая оперативного репортажа, стал создавать большие документальные фильмы, выступая в них и оператором, и режиссером, и зачастую сценаристом. Но хотя Кармен умеет в своей профессии все: и снимать, и организовывать съемки, и литературным словом, что не поэтично называется дикторским текстом, в нем нет

онного комплекса, который поражает не только документалистов, но, что особенно печально, режиссеров художественных фильмов. Роман Кармен, обладающий универсальностью в рамках хроникальной кинематографии, нередко привлекает к сотрудничеству и операторов, и писателей, и журналистов.

Каждый большой документальный фильм Р. Кармена становится событием и в художественной, и в общественной жизни страны. Последнее не удивительно: он не возится с пустяками, не эстетствует, а берет главное, то, что затрагивает всех людей. И это познавательное, информационное подается в его фильмах на высоком эмоциональном накале, властно вовлекая зрителя в сопереживание происходящему на экране.

В кратком газетном очерке нет возможности проанализировать эстетическую природу искусства Кармена. Понадобился бы подробный, скрупулезный разбор двух-трех его больших фильмов, а для этого просто не хватит места. И потому я лишь коснусь некоторых, быть может, и не главных особенностей его творческой манеры.

Те, кто смотрел «Повесть о нефтяниках Каспия», наверняка запомнили мастера Михаила Каверочкина, героически погибшего на морской буровой во время жестокого шторма. Гибель всегда возносит героя, и порой даже слабый художественный образ обретает значительность и ложится в память зрителя в силу трагического исхода. Не то с Каверочкиным. Еще ничего не зная о предусмотренной ему участи, вы начинаете любить этого человека, радоваться его появлению на экране, его простые, добрые, сильные черты чаруют вас ощущением родности. А ведь он не играет, не позирует перед объективом, показывая товар лицом, — бывает и такое в хронике, только не у Кармена, — он, мастер Каверочкин, живет своей жизнью, своими заботами и даже порой не ведает, что на него нацелен киноглаз. В этом и проявляется замечательное искусство Кармена — дать на экране прекрасное живое человеческое лицо. Казалось бы, чего тут хитрого? На деле же перед этой задачей порой отступают и крупнейшие мастера. Человек далеко не всегда бывает равен самому себе, даже похож на себя. Общеизвестно, что лицо — зеркало души, но лишь в определенных мгновениях, минуты или часы. Иногда это зеркало ровным счетом ничего не отражает. Человек зачастую погружен в некий внутренний сон, не мешающий ему при этом участвовать во внешней жизни, он бывает и мелочно озабочен, утомлен, подавлен, равнодушен и не мил самому себе. Боже упаси запечатлеть тогда зеркало его обесценившейся временно сути. И вот Кармен прозорливо угадывает тот высший момент в человеке, когда он находится во «внутреннем фокусе», когда все самое важное, характерное, ценное и значи-

тельное в нем организует его лицо, отражается в глубине зрачков, в неуловимых волнующих тенях, пробегающих по челу, в скрытом, но ощущаемом, как ток, напряжении.

А удивительное лицо героя и мученика Чили, президента Альянде в фильме «Пылающий континент»! Режиссер показывает Альянде в разных планах — и за решением важных государственных дел, и на трибуне, но сильнее всего трогает кадр, где Альянде участвует в субботнике. Немолодой, кабинетный, порядком усталый человек выходит вместе со всеми в день, отведенный для отдыха, потрудиться на благо родной страны. Мы, зрители, словно заглядываем в самую душу, чистую, возвышенную душу президента — марксиста, так бесстрашно встретившего его смерть. Вот что делает настоящая кинохроника!

Удивительны в «Пылающем континенте» лица перуанских крестьян, кубинских революционеров, панамских студентов. Эти кинопортреты, говорящие так много о современном человеке, составляют воспоминание великую портретную галерею, созданную старыми живописцами и дающую для постижения прошлого больше, чем толстые исторические фолианты. Ведь настоящий портрет не только психологичен, но и социален, он характеризует и модель, и эпоху.

Еще об одной особенности творческого почерка Р. Кармена хотелось бы мне сказать. Это мастер паузы и контрапункта, придающих его фильмам особую объемность, многослойность. Экран превращает его в рельеф. Вспомните довольно большой кусок из «Пылающего континента», где стареющий красавец, матадор века Доминган, которого Хемингуэй называл «смесью Гамлета и дон Жуана», ведет напряженный, долгий и мастерский бой с огромным быком. Вроде бы излишняя щедрость — уделять столь много места в остросоциальном, трагически серьезном и вместе одухотворенном революционной романтикой фильме пустой забаве. Нет! И дело не только в том, что зрителю необходимо разрядка, иначе отказывает воспринимательный аппарат, и не в том даже, что волнующее зрелище корриды неотделимо от душевного комплекса латиноамериканцев, а в чем-то более сложном и подспудном. Смутное, в «Пылающем континенте» и «Пылающей гавани» — вся его гибкая, напряженная стать, с одной стороны, как бы совпадают с темной яростной борьбой, главной темой фильма, с другой — в силу бесцельности риска матадора — контрастируют, отчего острее чувствуешь, где истинные, а где мнимые ценности. Вот сколько разных и сложных художественных задач решает Роман Кармен одной вроде бы необязательной сценой. Это и есть талант, то не до конца объяснимое, что отличает произведение искусства от мастеровитой ремесленной поделки.

Р. Кармен в каждом фильме проводит несколько линий, создающих гармоничное целое (контрапункт), он умеет находить кульминацию, оттого фильмы его так композиционно прочны и при монументальности своей изысканны. И надо ли говорить, что у такого страстного, одушевленного большими идеями художника форма никогда не бывает самоцелью, а возникает естественно из глубины материала.

О Кармене часто говорят: железный человек. Ах, если бы он был действительно железным! Но он, как и все мы, состоит из мягкой человеческой плоти, подверженной и слабости, и болезни. Несколько лет назад тяжелый инфаркт подшиб Кармена, как стрела летящую птицу. Он болел долго и трудно, но одолел недуг. Обычно люди, прошедшие через такое, резко меняют образ жизни: выходят на пенсию или сводят к минимуму свои трудовые усилия, словом, начинают вести «ватное» существование. Не таков Кармен. Едва поправившись, он уже вел съемки в Южной Америке, взбирался на Кордильеры, обливался потом в пампасах, кохенел на Огненной Земле. Он не изменил ни одной своей привычке: засиживался до глубокой ночи с интересным собеседником, мчался за сотни верст по бездорожью единого кадра ради, работал так, как может работать, наверное, один Кармен. Он делал это не из бравады, не из желания доказать что-либо себе или другим, не из пренебрежения к жизни, которую яростно любит, а потому, что такой вот Кармен его устраивал, никогда не подводил, и, стало быть, зачем что-либо менять в себе.

Кармен снял великолепную картину, написал новую книгу, и снова его подсекала болезнь. И опять он вывернулся, не дал уложить себя на лопатки. И сейчас он по-прежнему мощно заряжен на труд, творчество, жизнь. И нечего ему пожелать, кроме одного: так держать!..

Фото Е. Халдеев.